

Роль симпатии и социальных идентичностей в отношении русских к разным нациям

*К. ВЕЛКОВА**,
*Н.М. ЛЕБЕДЕВА***

***Велкова Кристина** – аспирант факультета социальных наук Департамента социологии, стажер-исследователь Международной научно-учебной лаборатории социокультурных исследований Экспертного института Национального исследовательского университета “Высшая школа экономики”. Адрес: 101000, Москва, Мясницкая ул., д. 20. E-mail: kvelkova@hse.ru

****Лебедева Надежда Михайловна** – доктор психологических наук, профессор, Департамент психологии факультета социальных наук, заведующая Международной научно-учебной лабораторией социокультурных исследований Экспертного института Национального исследовательского университета “Высшая школа экономики”. Адрес: 101000, Москва, Мясницкая ул., д. 20. E-mail: nlebedeva@hse.ru

В статье рассматривается взаимосвязь симпатии, множественных идентичностей и отношения россиян к разным народам. 85 россиян приняли участие в онлайн-опросе, включавшем в себя измерения аффективных аттитудов, самоидентификации, чувства симпатии и факторов, влияющих на групповые предубеждения. Выяснилось, что симпатия к другим нациям была напрямую связана с воспринимаемым сходством с ними. Социальная идентичность показала специфические для страны эффекты: национальная идентичность была положительно взаимосвязана с воспринимаемым сходством как с культурно близкими (болгары, украинцы, сербы), так и с культурно “непохожей” нацией (американцы), европейская идентичность положительно взаимосвязана с межкультурными контактами со странами, которые воспринимаются как имеющие общие европейские корни (немцы, американцы), а религиозная идентичность негативно связана с симпатией к нехристианским нациям. Кроме того, принятие культурного многообразия способствовало частоте межкультурных контактов и симпатии к представителям других наций.

Ключевые слова: социальная идентичность, симпатия, аффективные установки, мультикультурализм, нации.

DOI: 10.31857/S086904990007566-4

Цитирование: Велкова К., Лебедева Н.М. (2019) Роль симпатии и социальных идентичностей в отношении русских к разным нациям // Общественные науки и современность. № 6. С. 141–156. DOI: 10.31857/S086904990007566-4

Работа выполнена при поддержке Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в рамках господдержки ведущих университетов Российской Федерации “5-100”.

The Role of Liking and Social Identities in the Attitudes of Russians toward Other Nations

Kristina VELKOVA*

Nadezhda M. LEBEDEVA**

***Kristina Velkova** – PhD Student, Doctoral School of Psychology, Social Sciences Faculty Researcher-Intern of the International Research and Teaching Laboratory for Socio-Cultural Research, Expert Institute, National Research University “Higher School of Economics”. Address: 20 Myasnitskaya st., Moscow, Russia. E-mail: kvelkova@hse.ru

****Nadezhda M. Lebedeva** – Dr. Sc. (Social Psychology), Tenured professor, Psychology Department, Social Sciences Faculty, Head of the International Research and Teaching Laboratory for Socio-Cultural Research, Expert Institute, National Research University “Higher School of Economics”. Address: 20 Myasnitskaya st., Moscow, Russia. E-mail: nlebedeva@hse.ru

Abstract. This article examines the association between liking, multiple identities, and attitudes of Russians toward other nations. Eighty-five Russians participated in an online survey incorporating measures of affective attitudes, self-identification, feelings of liking, and factors indicating group-related bias. It was revealed that liking other nations was directly related to perceived similarity with them. Social identities showed nation-specific effects: national identity was positively associated with both culturally similar (Bulgarians, Ukrainians, Serbians) and culturally distinct nations (Americans); European identity was positively related to intercultural contacts with countries perceived as having common European roots (Germany, USA); and religious identity had negative relation to liking of non-Christian nations. Further, appreciation for cultural diversity facilitated the frequency of intercultural contacts and liking of the members of other nations.

Keywords: social identity, liking, affective attitudes, multiculturalism, nations.

DOI: 10.31857/S086904990007566-4

Citation: Velkova R., Lebedeva N. M. (2019) The Role of Liking and Social Identities in the Attitudes of Russians toward Other Nations. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, no. 6, pp. 141–156. DOI: 10.31857/S086904990007566-4 (In Russ.)

Человеческие установки и отношения в значительной степени зависят от субъективных факторов. С одной стороны, социальная идентичность и членство в разных группах влияют на отношение к представителям других групп и могут быть источником и позитивных, и негативных установок, даже предрассудков и дискриминации [Dovidio, Gaertner 2010]. С другой стороны, к предвзятым суждениям могут привести и эмоциональные факторы [Loewenstein, Lerner 2003]. Определенные эмоции регулируют и направляют взаимодействия представителей социальных групп (например, гнев, страх, отвращение, восхищение) и предсказывают их специфические реакции (например, конфронтация, избегание, исключение, принадлежность или поддержка) [Mackie, Smith, Ray 2008]. Исследования показали, что чувства гнева и отвращения к определенным группам предполагают враждебное поведение [Mackie, Devos, Smith 2000] и нежелание вступать в контакт с их представителями [Esses, Dovidio 2002], в то время как межгрупповые страхи предсказывают избегание и нежелание противостоять и атаковать [Dumont, Yzerbyt, Wigboldus, Gordin 2003]. Межгрупповая вина провоцирует уступчивость [Leach, Iyer, Pedersen 2006] и готовность к извинениям [McGarty, Pedersen, Leach, Mansell, Waller, Blüch 2005].

Так как в современных условиях расширяются возможности взаимодействия разных групп и культур и ставятся вопросы улучшения межкультурных отношений, настоящее исследование направлено на изучение роли множественных социальных идентичностей и симпатии в формировании межкультурных установок россиян по отношению к представителям разных национальных групп. Эта тема актуальна, и данное исследование

предлагает новый взгляд на межкультурные отношения россиян с представителями других национальных групп, ставя акцент на значимости внутренних мотиваторов межгруппового взаимодействия.

Аффективный компонент аттитюдов

Аттитюды описываются как механизмы, бессознательно направляющие поведение человека [Fazio, Olson 2003] и функционирующие как постоянные когнитивные структуры, которые хранятся в человеческой памяти [Fazio, Williams 1986]. Они активируются автоматически и служат фильтрами представлений о разных объектах [Asch 1940]. Это означает, что сразу после активации аттитюды направляют восприятие других объектов, и поэтому последующие суждения и поведение оказываются спонтанной реакцией на непосредственные восприятия.

Согласно трехкомпонентной модели установок, эмоции, настроения и чувства привязаны к оценке и впоследствии ассоциируются с объектом как отражение аффективного компонента [Eagly, Chaiken 1998]. Говорилось и об аффективном компоненте установок как об эмоции, ориентированной на определенный объект, более непосредственной и спонтанной и менее подверженной воздействию доступных когнитивных процессов, чем другие эмоции [Ortony, Clore, Collins 1988]. Например, исследования установок продемонстрировали, что респонденты реагировали на свои чувства и эмоции по отношению к объектам быстрее, чем на мысли об объектах [Verplanken, Hofstee, Janssen 1998]. Установок, основанных на аффективных реакциях, обследуемые придерживались с большей уверенностью по сравнению с когнитивно обоснованными [Edwards 1990], а аффективный компонент установок продемонстрировал особую значимость в качестве прямого мотиватора поведения человека [Peters 2006]. Проведенные исследования связи аффективного компонента и поведения подтвердили значение эмоций, так как эмоциональные оценки воспринимаются как более достоверные, чем неэмоциональные [Fazio 1995], и они напрямую связаны с поведением [Chen, Bargh 1999].

Роль множественной идентичности в межгрупповых отношениях

Одна из наиболее работающих теорий, объясняющих межличностные установки, – теория социальной идентичности [Hogg, Abrams, Brewer 2017]. Люди в первую очередь рассматривают себя и других как членов социальных групп, которые формируют их социальные идентичности [Tajfel, Turner 1979].

Согласно теории социальной идентичности [Tajfel, Turner 1979] и теории самокатегоризации [Turner, Hogg, Oakes, Reicher, Wetherell 1987], членство в группах влияет на межличностные взаимодействия посредством механизма социальной категоризации и приписывания характеристик другим людям на основе личных выводов. Будучи частью группы, люди принимают групповые характеристики, взгляды, убеждения, эмоции и включают их в свое поведение, которое считают релевантным для этой группы [Mackie, Smith, Ray 2008]. Таким образом, благодаря групповой самоидентификации повышается восприятие внутригруппового сходства.

Стоит также сказать, что важная особенность процесса категоризации – дифференциация категорий, включающих и не включающих собственную личность, то есть внутри- и внешнегрупповые категории. Таким образом, присутствие собственного “Я” может привести к повышению эмоциональной значимости групповых различий и воспринимаемых предубеждений [Dovidio, Gaertner 2010].

Важное свойство социальной идентичности заключается в том, что люди имеют несколько групповых принадлежностей и несколько социальных идентичностей [Brewer

2001]. В рамках настоящего исследования мы уделяем особое внимание идентификации с тремя категориями: национальной, европейской и религиозной.

Национальная идентичность отражает принадлежность к определенной нации и характеризуется набором представлений и эмоций, отражающих связи индивида с данной группой [Barrett, Davis 2008]. В этом смысле она тесно связана с национальной культурой и традициями, формируемыми на базе истории, языка, фольклора и религии [Karna 1999]. Следовательно, национальная идентичность может быть позитивно связанной с идентификацией с теми группами, которые разделяют определенные характеристики своей этнической культуры.

Аналогично, *религиозная идентичность* отражает принадлежность к определенной религии. Религия выполняет двойную функцию: с одной стороны, она объединяет верующих вокруг единого представления о ценностях и истине, с другой – разъединяет людей, поскольку увеличивает значимость внутри- и внешнегрупповых различий [Verkuyten 2007]. Социально-психологические исследования обнаружили позитивную взаимосвязь уровня религиозности с предубеждениями [Scheepers, Gijbels, Hello 2002]. Было установлено, что члены религиозных групп принижают ценность других религий, чтобы повысить ценность своей группы [Rothgerber, Worchel 1997]. Следовательно, можно предположить, что религиозная идентичность ассоциируется с негативными реакциями по отношению к представителям других групп.

Европейская идентичность подразумевает территориальную идентификацию с Европой. С одной стороны, общая европейская культура рассматривается как составной элемент европейской идентичности [Checkel, Katsenstein 2009], и частично совпадающие культурные и политические традиции европейских стран служат источником формирования общей европейской идентичности [Smith 1992]. Идентификация с Европой отражает аффективный компонент коллективной идентичности, так как присваивает ей определенную эмоциональную ценность [Mitchell 2015]. С другой стороны, на основе теории социальной идентичности предполагается, что тенденция отдавать предпочтение собственной группе по сравнению с иными вызвана межгрупповой конкуренцией, которая нарушает условия успешного межгруппового контакта и может привести к конфликтам или избеганию контактов. Вместе с тем возможна проекция сложных политических и экономических отношений России с Европейским союзом в последние годы на межгрупповые отношения русских к представителям европейских наций.

Таким образом, групповая идентичность может вызывать различные реакции в форме впечатлений, установок и поведения. Они влияют на членов групп и служат основой для благоприятных или неблагоприятных установок по отношению к определенным социальным группам.

Факторы, воздействующие на межгрупповые отношения

Теория межгрупповых эмоций [Mackie, Smith, Ray 2008] фокусируется на **эмоциональных последствиях** групповой идентификации и групповой принадлежности. Теория предполагает, что принадлежность к социальной группе и отождествление с ней рожают уникальные межгрупповые эмоции, которые зависят от групповой картины мира, становятся частью группового членства и направляют межгрупповое поведение. Следовательно, они играют роль и в формировании межгрупповых установок, так как зависят от принадлежности к определенной национальной группе. Теория межгрупповых эмоций выводит межгрупповые отношения за рамки положительных и отрицательных оценок и фокусируется на эмоциональных реакциях. Мысли об аутгруппах могут порождать страх, презрение или ненависть, согласно концепции уничтожения аутгруппы, в то время как мысли об ингруппе могут вызывать гордость, удовлетворение или радость, согласно концепту

ингруппового фаворитизма. Эмоциональные стимулы способны влиять на эмоциональное состояние людей и, следовательно, на их поведение [Winkelman, Knutson, Paulus, Tujillo 2007]. Более того, эмоции – часть аффективного компонента аттитудов, что может оказывать прямое воздействие на отношение к определенным социальным группам.

Эффект “сходства” предлагает схему возникновения предубеждений в процессе межгруппового взаимодействия и формирования установки, основанной на групповом членстве. Предполагается, что люди ориентируются на воспринимаемое сходство с другими людьми, исходя из их групповой принадлежности, и потому более склонны при оценивании других людей использовать проекцию своих ингрупп (например, той же расы, религии и национальности), нежели аутгрупп [Clement, Krueger 2002]. Кроме того, люди склонны “достраивать” личностные черты других людей в условиях дефицита информации [Epley, Waytz 2010] и проецировать свои установки, убеждения, ценности и личностные качества на других [Ross, Greene, Hanse 1977]. Им нравятся те, кто имеют похожие взгляды, личностные качества и экономический статус [Byrne, Clore, Worchel 1966], и не нравятся имеющие другие ценности [Rokeach 1960], убеждения [Chambers, Schlenker, Collission 2013] и установки [Chen, Kenrick 2002]. Одним из наиболее показательных объяснений этого феномена является теория баланса [Heider 1958]. Путь достижения когнитивной согласованности проходит через регулирование личностных установок. Соответственно, в поисках когнитивного баланса положительные установки, как правило, связаны с теми, кто на нас похожи, а отрицательные – с теми, кто отличны от нас.

Согласно гипотезе **межгруппового контакта** [Allport 1954], когда контакт благоприятен и приводит к позитивным последствиям, возникает более благоприятное отношение к членам других групп вследствие общей тенденции к стремлению к позитивным взаимодействиям, сохранению когнитивного баланса и уменьшению диссонанса [Dovidio, Gaertner, Kafati 2000]. Кроме того, достигнутый успех может ассоциироваться с аутгруппами и, следовательно, повысить их привлекательность [Gaertner, Dovidio, Rust, Banker, Ward, Mettola, Houlett 1999]. Были приведены также доказательства о связи контактов с воспринимаемым сходством: близкий контакт увеличивает воспринимаемое сходство [Rose, Kaprio 1988] и то, что изменения в частоте контактов вызывают изменения и в воспринимаемом сходстве [Kaprio, Koskenvuo, Rose 1990].

Воспринимаемая угроза также формирует межгрупповые отношения. Она возникает тогда, когда члены одной группы считают, что другая группа может причинить им вред [Stephan, Ybarra, Morrison 2009]. **Теория интегральной угрозы** [Stephan, Stephan 2000] связывает ощущение угрозы с негативными установками и предубеждениями по отношению к другим социальным группам. Также большая воспринимаемая угроза связана с меньшей толерантностью по отношению к внешним группам [Verkuyten 2009]. В теории межгрупповой угрозы воспринимаемая угроза исследуется в связи с тем, что вне зависимости от ее реальности она влечет за собой реальные последствия. Таким образом, теория межгрупповой угрозы принимает во внимание не фактическую угрозу от внешних групп, а степень, в которой угроза воспринимается как реально существующая. Согласно теории, культурные различия в ценностях, морали, религии, системе убеждений и мировоззрении между группами могут быть причиной возникновения ощущения символической угрозы [Stephan, Renfro 2002]. Следовательно, можно предполагать, что при увеличении воспринимаемых различий увеличивается и вероятность возникновения ощущений угрозы на межгрупповом уровне.

Учитывая **мультикультурный контекст России**, следует отметить, что мультикультурализм и признание культурного многообразия играют важную роль в формировании и сохранении благоприятных межгрупповых отношений. Идеология мультикультурализма стремится к улучшению межгрупповых отношений через утверждение групповой идентичности и принятие членов аутгрупп [Rattan, Ambady 2013]. Таким образом, перспектива мультикультурализма сосредоточивается на различиях между группами и позитивных

следствиях группового членства. Современные психологические теории подчеркивают положительный эффект признания многообразия [Plaut 2010] и групповых идентичностей, особенно среди этнических и расовых меньшинств [Cohen, Garcia 2005]. Исследования подтвердили, что мультикультурализм связан с более положительными оценками представителей аутгрупп [Wolsko, Park, Judd 2006] и более позитивными оценками партнера по контакту из другой группы [Vorauer, Gagnon, Sasaki 2009]. Мультикультурализм снижает предрассудки и улучшает межгрупповые отношения на уровне межгрупповых контактов [Richeson, Nussbaum 2004], а также способствует положительным эмоциям у группы большинства по отношению к представителям групп меньшинств [Verkuyten 2005].

Гипотезы и дизайн исследования

На основе анализа литературы по данной теме были выдвинуты следующие гипотезы в нашем эмпирическом исследовании:

1. Национальная идентичность россиян наиболее выражена в сравнении с религиозной и европейской идентичностью.
2. Европейская идентичность позитивно взаимосвязана с воспринимаемым сходством русских с национальными группами из Европы и негативно – с воспринимаемым сходством с неевропейскими национальными группами.
3. Религиозная идентичность позитивно взаимосвязана с чувством симпатии к представителям национальных групп, исповедующих христианство, и негативно – с чувством симпатии к нехристианским нациям.
4. Чувство симпатии к другим группам позитивно взаимосвязано с воспринимаемым сходством с представителями других национальных групп.
5. Мультикультурная идеология позитивно взаимосвязана с чувством симпатии к представителям всех национальных групп.
6. Мультикультурная идеология позитивно взаимосвязана с межкультурными контактами.
7. Межкультурные контакты позитивно взаимосвязаны с воспринимаемым сходством с представителями всех национальных групп.
8. Воспринимаемая угроза негативно взаимосвязана с чувством симпатии к “непохожим” национальным группам.

В исследовании приняли участие 85 русских, из них 71% в возрастном диапазоне с 30 до 49 лет, 19% составляли мужчины 35% сообщили, что они православные, столько же заявили, что не исповедуют какую-либо религию. Большая часть респондентов имели высшее образование (71%).

Респонденты заполнили онлайн-опросник, который распространялся в социальных сетях и содержал аффективные оценки восьми разных национальных групп (русских, болгар, украинцев, сербов, немцев, американцев, китайцев, сирийцев). Каждый респондент оценивал все предложенные национальные группы. Группы выбирались на основе религиозного сходства, территориального местоположения и культурной дистанции по отношению к России. У пяти национальных групп основная религия – христианство, четыре из них – европейцы (болгары, украинцы, сербы, немцы), причем у трех близкая культурная дистанция с русскими (болгары, украинцы, сербы).

Опросник включал следующие шкалы:

Аффективный компонент аттитудов. Для оценки отношения к представителям собственной и других национальных групп использовалась адаптация шкалы из [Chen, Graham 2015]. Она включала четыре вопроса: “Мне нравятся [национальная группа]”, “Я доверяю [национальная группа]”, “Я уважаю [национальная группа]”, “Мне комфортно в компании [национальная группа]” (надежность шкалы варьировала с $\alpha = 0,84$ по $\alpha = 0,96$).

Чувство симпатии. Шкала включала один вопрос: “Насколько вам симпатичны представители данных национальных групп?”. Ответы респондентов варьировали от 1 до 5, где “1” соответствовал ответ “совсем не симпатичны”, “5” — “очень симпатичны”.

Воспринимаемое сходство. В шкалу были включены три вопроса типа “Насколько [национальная группа] похожи на вас?”. Ответы респондентов варьировали от 1 до 5, где “1” соответствовал ответ “совсем не похожи”, “5” — “очень похожи” (надежность шкалы $\alpha = 0,80 - 0,91$).

Религиозная идентичность. Использовалась адаптация шкалы религиозной идентичности [Verkuyten 2007] ($\alpha = 0,97$).

Европейская идентичность. Использовалась модификация шкалы религиозной идентичности [Verkuyten 2007] ($\alpha = 0,92$).

В исследовании были использованы шкалы из опросника MIRIPS¹ (<http://www.victoria.ac.nz/cacr/research/mirips>). Ответы респондентов варьировали от 1 до 5, где “1” соответствовал ответ “абсолютно не согласен”, “5” — “абсолютно согласен”. Использовались шкалы:

– *национальная идентичность* (восемь вопросов, например “Я считаю себя гражданином России”, $\alpha = 0,88$);

– *мультикультурная идеология* (шесть вопросов, например, “Нам следует признать, что культурное многообразие – фундаментальная характеристика России”, $\alpha = 0,72$)

– *межкультурные контакты* (“Сколько у вас близких друзей другой национальности?”, “Как часто вы встречаетесь с близкими друзьями другой национальности?”, “1” соответствовал ответ “никогда”, “5” – “каждый день”; $\alpha = 0,84$).

– *воспринимаемая угроза* (пять вопросов, например, “Высокий уровень безработицы – серьезная причина для беспокойства в России”, $\alpha = 0,61$)

Данные анализировались в программе SPSS 23 при помощи одновыборочного Т-теста (сравнение средних по идентичностям и нейтральной точки шкалы для определения степени идентификации) и с помощью статистического пакета SPSS AMOS 23 проводился путевой анализ (проверка взаимосвязи предикторов и отношения к представителям разных наций).

Отношение русских к разным нациям: результаты исследования

Перед проведением основного анализа были рассчитаны *средние баллы отношения к представителям других национальных групп*. Средние оценки собственной национальной группы по аффективному компоненту установок были самыми высокими ($M = 3,73$), за ними следовали национальные группы, у которых были сходства с русскими, как минимум, по одному критерию выбора национальных групп: соответственно, Сербия ($M = 3,49$), Германия ($M = 3,48$), США ($M = 3,4$), Болгария ($M = 3,39$) и Украина ($M = 3,26$). Самые низкие оценки были характерны для стран, которые имеют далекую культурную дистанцию с Россией – Китаем ($M = 2,87$), и Сирией ($M = 2,71$).

Если сравнивать *значимость идентичностей*, то для наших респондентов национальная идентификация была ведущей ($M = 3,38$), за ней следовала европейская идентичность ($M = 3,12$) и наименее значимой оказалась религиозная идентичность ($M = 2,37$). Был проведен одновыборочный Т-тест, чтобы определить, отличаются ли баллы разных идентичностей у опрошенных респондентов от средней точки шкалы, определяемой как индифферентная оценка 3,0. Средний балл религиозной идентичности ($2,38 \pm 1,30$) был ниже, чем средняя точка шкалы 3,0, статистически значимая средняя разница составляет 0,63, 95% ДИ [0,35–0,91], $t(84) = -4,45$, $p < 0,001$. Средний балл национальной идентичности был статистически значимо выше в среднем на 0,38, 95% ДИ [0,19–0,56], чем средняя точка шкалы 3,0, $t(84) = 4,07$, $p < 0,001$.

¹ Опросник переведен и адаптирован для использования в России Н. Лебедевой и А. Татарко в 2009 г.

**Разность средних значений выраженности идентификации
(при среднем критерии = 3)**

	M	SD	T	df	MD	95% ДИ для разности	
						Нижняя	Верхняя
Религиозная идентичность	2,38	1,30	-4,45***	84	-0,63	-0,91	-0,35
Европейская идентичность	3,13	1,04	1,11	84	0,13	-0,10	0,35
Национальная идентичность	3,38	0,86	4,07***	84	0,38	0,19	0,56

Примечания. M – среднее, SD – стандартное отклонение, df – степеней свободы, MD – средняя разность, ДИ – доверительный интервал разности.

*** $p < 0,001$

Российская выборка показала довольно высокие значения мультикультурной идеологии ($4,15 \pm 0,64$), средний уровень воспринимаемой угрозы ($3,07 \pm 0,67$) и низкий уровень межкультурных контактов ($2,95 \pm 1,02$).

Средние оценки воспринимаемого сходства и чувства симпатии к разным нациям представлены на рисунке 1. Согласно оценкам русских, выделились три группы стран со сходными средними баллами: страны с высоким уровнем сходства с Россией: Украина ($3,8 \pm 0,90$), Болгария ($3,75 \pm 0,76$), Сербия ($3,63 \pm 0,68$), далее – страны со средним уровнем сходства: Германия ($2,81 \pm 0,80$), США ($2,81 \pm 0,75$) и страны с низким уровнем сходства: Китай ($1,91 \pm 0,70$) и Сирия ($2,09 \pm 0,78$). Средние оценки чувства симпатии к членам других национальных групп показали низкую вариабельность между Болгарией ($3,91 \pm 0,70$), Украиной ($3,80 \pm 0,83$), Сербией ($3,95 \pm 0,82$), Германией ($3,86 \pm 0,80$) и США ($3,80 \pm 0,75$). Однако средние оценки чувства симпатии к китайцам и сирийцам были значительно ниже по сравнению с другими национальными группами (соответственно, $2,98 \pm 1,07$ и $2,99 \pm 1,02$). По отношению к украинцам средние баллы воспринимаемого сходства и чувства симпатии были равны. Интересно, что в случае других стран уровень симпатии превышал уровень воспринимаемого сходства.

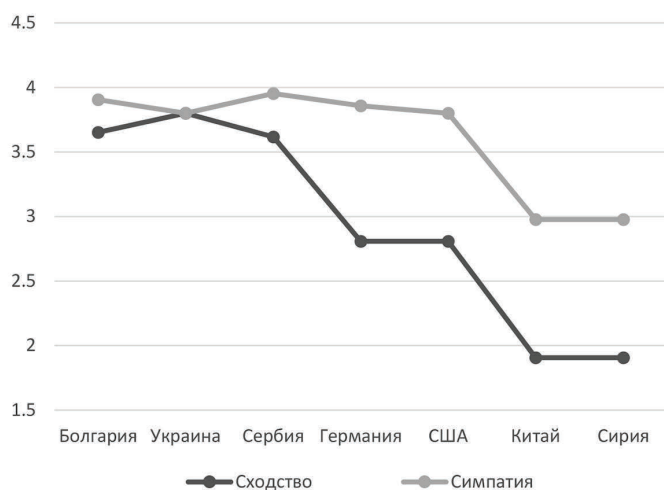

Рис. 1. Средние значения воспринимаемого сходства и чувства симпатии.

При проверке гипотез исследования были построены три путевые модели, где страны группировались исходя из уровня воспринимаемого сходства: страны с высоким уровнем сходства (Украина, Болгария, Сербия), страны со средним уровнем сходства (Германия, США) и страны с низким уровнем сходства (Китай, Сирия). Во всех моделях наблюдались значимые корреляционные связи между предикторами. Были обнаружены значимые корреляции между религиозной и национальной идентичностью ($r = 0,49$, $p < 0,001$), религиозной идентичностью и мультикультурной идеологией ($r = 0,21$, $p < 0,05$). Столь же значимы были негативные корреляционные связи между воспринимаемой угрозой и мультикультурной идеологией ($r = -0,10$, $p < 0,05$), воспринимаемой угрозой и религиозной идентичностью ($r = -0,32$, $p < 0,01$), воспринимаемой угрозой и национальной идентичностью ($r = -0,23$, $p < 0,001$).

Модель 1: Отношение к национальным группам с высоким уровнем воспринимаемого сходства. Характеристики первой путевой модели указывают на ее хорошее соответствие эмпирическим данным: $\chi^2/df = 1,22$, CFI = 0,98, GFI = 0,93, RMSEA = 0,05, PCLOSE = 0,46 (см. рис. 2).

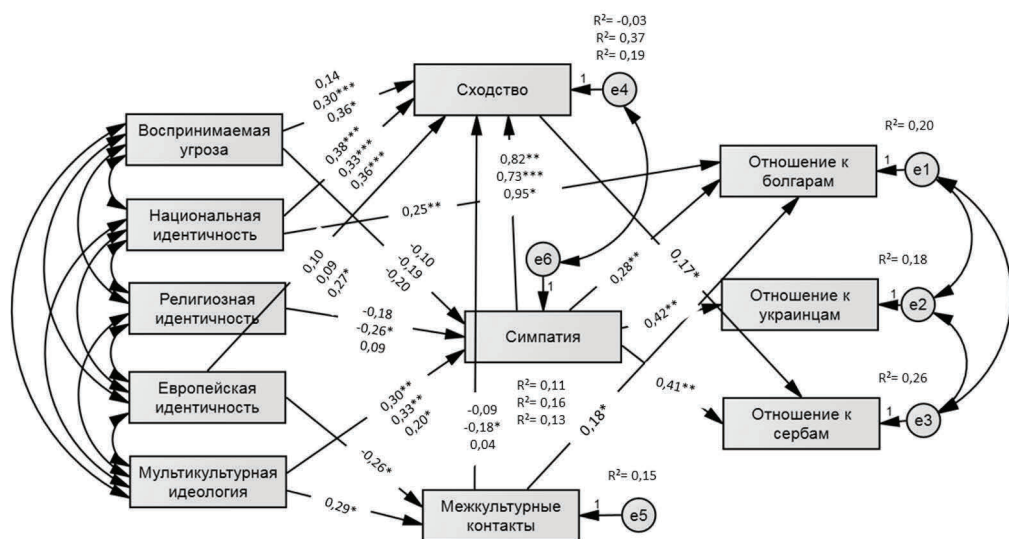

Рис. 2. Путевая модель 1: Отношение русских к национальным группам с высоким уровнем сходства

Примечание. * $p < 0,05$; ** $p < 0,01$; *** $p < 0,001$; R^2 – коэффициент детерминации. Верхнее значение соответствует отношению к болгарам, среднее – к украинцам, нижнее – к сербам.

Национальная идентичность была позитивно взаимосвязана с воспринимаемым сходством с болгарами ($\beta = 0,38$, $p < 0,001$), украинцами ($\beta = 0,33$, $p < 0,001$) и сербами ($\beta = 0,36$, $p < 0,001$). Европейская идентичность негативно связана с межкультурными контактами ($\beta = -0,26$, $p < 0,05$) и позитивно – с воспринимаемым сходством с сербами ($\beta = 0,27$, $p < 0,01$). Была обнаружена негативная взаимосвязь религиозной идентичности с чувством симпатии к украинцам ($\beta = -0,26$, $p < 0,05$).

Было выявлено, что чувство симпатии позитивно связано с отношением ко всем трем группам: болгарам ($\beta = 0,28$, $p < 0,001$), украинцам ($\beta = 0,42$, $p < 0,001$) и сербам ($\beta = 0,41$, $p < 0,001$) и с воспринимаемым сходством: с болгарами ($\beta = 0,82$, $p < 0,01$), украинцами ($\beta = 0,73$, $p < 0,001$) и сербами ($\beta = 0,95$, $p < 0,05$). Мультикультурная идеология оказалась позитивно взаимосвязана с чувством симпатии к болгарам ($\beta = 0,30$, $p < 0,01$), украинцам

($\beta = 0,33$, $p < 0,01$) и сербам ($\beta = 0,20$, $p < 0,05$) и с межкультурными контактами ($\beta = 0,29$, $p < 0,01$). Межкультурные контакты при этом негативно взаимосвязаны с воспринимаемым сходством с украинцами ($\beta = -0,18$, $p < 0,05$).

Не было обнаружено значимых взаимосвязей между воспринимаемой угрозой и чувством симпатии ко всем национальным группам с высоким уровнем воспринимаемого сходства, однако воспринимаемая угроза оказалась позитивно связана с воспринимаемым сходством с украинцами ($\beta = 0,30$, $p < 0,001$) и сербами ($\beta = 0,36$, $p < 0,05$). Также в данной модели обнаружены позитивные взаимосвязи российской национальной идентичности с отношением к болгарам ($\beta = 0,25$, $p < 0,001$); межкультурных контактов с отношением к болгарам ($\beta = 0,18$, $p < 0,05$); воспринимаемым сходством и отношением к сербам ($\beta = 0,17$, $p < 0,05$).

Модель 2: Отношение к национальным группам со средним уровнем воспринимаемого сходства с русскими (американцам и немцам). Было установлено, что модель хорошо соответствует данным ($\chi^2/df = 1,03$, CFI = 1,00, GFI = 0,95, RMSEA = 0,02, PCLOSE = 0,69). Модель показана на рисунке 3.

Национальная идентичность была позитивно взаимосвязана с воспринимаемым сходством с американцами ($\beta = 0,25$, $p < 0,05$). Европейская идентичность ассоциировалась отрицательно с межкультурными контактами ($\beta = -0,26$, $p < 0,05$) и положительно – с воспринимаемым сходством с американцами ($\beta = 0,25$, $p < 0,01$) и отношением к американцам ($\beta = 0,20$, $p < 0,01$). Религиозная идентичность ассоциировалась негативно с чувством симпатии к американцам ($\beta = -0,39$, $p < 0,001$).

Чувства симпатии позитивно взаимосвязаны с отношением к немцам ($\beta = 0,47$, $p < 0,001$) и американцам ($\beta = 0,43$, $p < 0,001$) и воспринимаемым сходством с немцами ($\beta = 0,63$, $p < 0,05$) и американцами ($\beta = 0,89$, $p < 0,001$). Мультикультурная идеология оказалась позитивно взаимосвязана с межкультурными контактами ($\beta = 0,29$, $p < 0,01$) и с чувством симпатии к немцам ($\beta = 0,34$, $p < 0,01$).

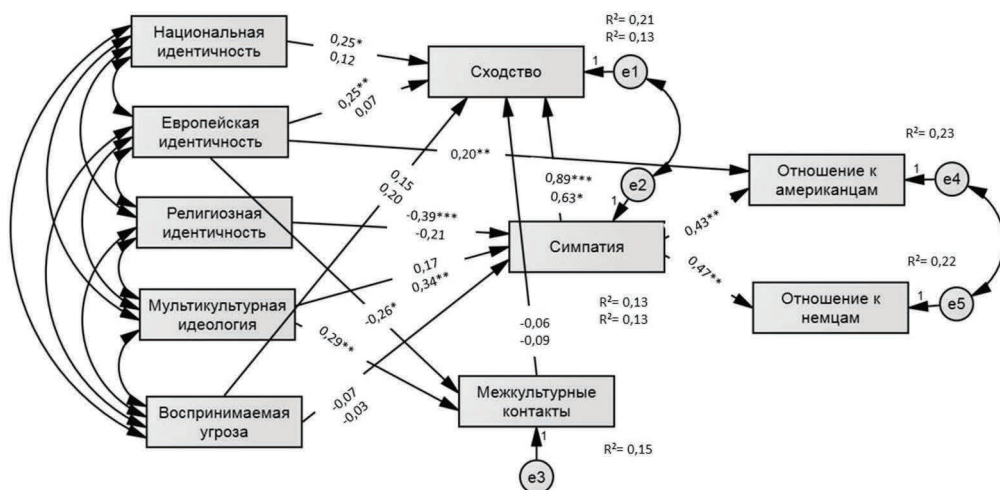

Рис. 3. Путевая модель 2: Отношение русских к национальным группам со средним уровнем сходства.

Примечание. * $p < 0,05$; ** $p < 0,01$; *** $p < 0,001$; R^2 – коэффициент детерминации. Верхнее значение соответствует установкам по отношению к американцам, нижнее – к немцам.

Модель 3: Отношение к национальным группам с низким уровнем воспринимаемого сходства с русскими (сирийцам и китайцам). Предложенная модель хорошо соответствовала данным ($\chi^2/df = 1,54$, CFI = 0,96, GFI = 0,93, RMSEA = 0,08, PCLOSE = 0,15). Модель показана на рисунке 4.

Национальная идентичность была позитивно взаимосвязана с воспринимаемым сходством с китайцами ($\beta = 0,20$, $p < 0,05$) и сирийцами ($\beta = 0,21$, $p < 0,05$). Европейская идентичность россиян была негативно связана с межкультурными контактами ($\beta = -0,26$, $p < 0,05$). Не было обнаружено значимых взаимосвязей европейской идентичности с воспринимаемым сходством с обеими группами (китайцами и сирийцами). Наблюдались негативные взаимосвязи религиозной идентичности с чувством симпатии к китайцам ($\beta = -0,27$, $p < 0,05$) и сирийцам ($\beta = -0,24$, $p < 0,05$). При этом было выявлено, что чувство симпатии позитивно взаимосвязано с отношением к китайцам ($\beta = 0,42$, $p < 0,001$) и сирийцам ($\beta = 0,52$, $p < 0,001$) и с воспринимаемым сходством, соответственно, с китайцами ($\beta = 1,00$, $p < 0,01$) и сирийцами ($\beta = 0,90$, $p < 0,001$). Мультикультурная идеология оказалась позитивно взаимосвязана с чувством симпатии к китайцам ($\beta = 0,20$, $p < 0,05$) и сирийцам ($\beta = 0,17$, $p < 0,05$) и межкультурными контактами ($\beta = 0,29$, $p < 0,01$). Межкультурные контакты позитивно взаимосвязаны с воспринимаемым сходством с китайцами ($\beta = 0,22$, $p < 0,05$). Воспринимаемая угроза оказалась негативно взаимосвязана с чувством симпатии к китайцам ($\beta = -0,41$, $p < 0,001$) и сирийцам ($\beta = -0,42$, $p < 0,001$). Также были обнаружены позитивная взаимосвязь воспринимаемого сходства с отношением к сирийцам ($\beta = 0,17$, $p < 0,05$) и китайцам ($\beta = 0,17$, $p < 0,05$) и негативная связь межкультурных контактов с отношением к сирийцам ($\beta = -0,15$, $p < 0,01$).

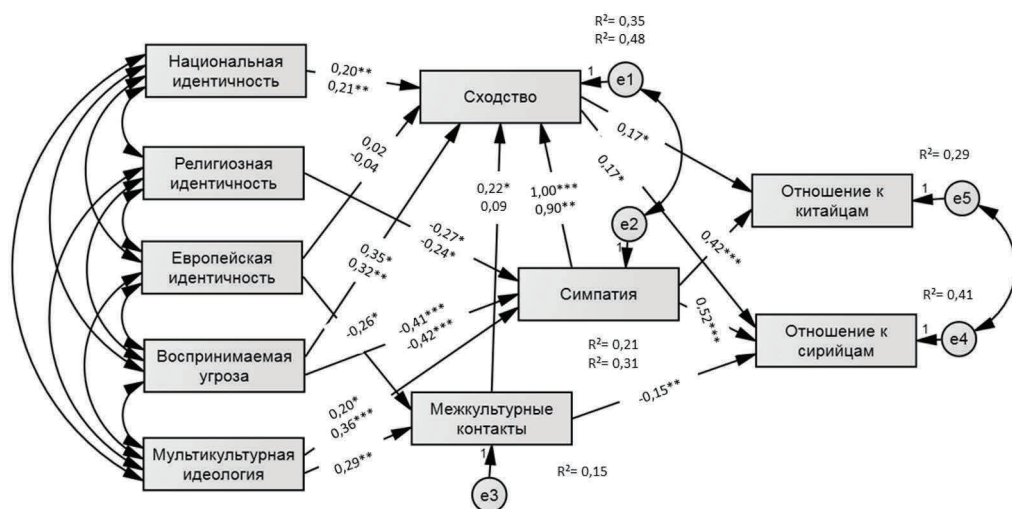

Рис. 4. Путевая модель 3: Отношение русских к национальным группам с низким уровнем сходства.

Примечание. * $p < 0,05$; ** $p < 0,01$; *** $p < 0,001$; R^2 - коэффициент детерминации. Верхнее значение соответствует отношению к китайцам, нижнее - к сирийцам.

Что показало исследование?

Настоящее исследование было направлено на изучение аффективного компонента установок русских по отношению к представителям разных национальных групп, а также роли множественной социальной идентичности и чувства симпатии в эмоциональных

оценках этих групп. Полученные результаты подтвердили значимость самоидентификации в межгрупповых взаимоотношениях и выявили особенности восприятия россиянами представителей разных стран.

Роль множественной идентичности. Мы предполагали, что национальная идентификация россиян будет преобладать над их религиозной и европейской идентификациями. Результаты показали, что респонденты относились нейтрально к своей принадлежности к Европе, их уровень национальной идентификации был выше среднего значения, но при этом чувство принадлежности к христианству оказалось слабо развито. Соответственно, наша первая гипотеза подтвердилась.

Далее, национальная и европейская идентификации оказались слабо выраженными предикторами межгруппового сходства. Аналогичные тенденции во взаимосвязях между идентичностями и суждениями о межгрупповых сходствах наблюдались относительно групп, с которыми у россиян были общие характеристики или, наоборот, они отсутствовали. Так, *национальная идентичность* была позитивно связана с воспринимаемым сходством с национальными группами со сходными культурными характеристиками (болгарами, украинцами, сербами), но также и с воспринимаемым сходством с отличающимися культурами (американцами, китайцами и сирийцами). Что касается *европейской идентичности*, то она оказалась ассоциирована позитивно со сходством как с сербами, так и с американцами. В случае американцев, по-видимому, сыграло роль восприятие европейских корней американской культуры.

Однако российская *национальная и европейская идентичности* оказали существенное влияние на аффективный компонент отношений. В связи с полученными данными можно утверждать, что национальная российская идентичность, основанная на сходстве и общности славянских культур, была связана с позитивным отношением к болгарам. Европейская идентичность сыграла свою позитивную роль в отношении русских к американцам. Несмотря на то, что США территориально не принадлежат Европе, такой результат можно объяснить широкими границами западного мира и европейского культурного и ценностного ареала. Кроме того, *европейская идентичность* россиян была негативно связана с межкультурными контактами в целом. Мы предполагаем, что поскольку россияне достаточно слабо идентифицируют себя с Европой, эта идентичность не является предиктором их межкультурных контактов.

Что касается *религиозной идентичности*, ее позитивная связь с симпатией по отношению к другим христианским нациям не выявилась. Однако наблюдались негативные взаимосвязи религиозной идентичности с чувством симпатии к народам, не исповедующим христианство. Но религиозная идентичность ассоциировалась негативно с чувством симпатии также к американцам и украинцам. По-видимому, вопросы, связанные с религией, довольно сензитивные, на них могут влиять разные внешние факторы. Так, например, негативные чувства к украинцам могут быть вызваны недавним конфликтом на почве раскола православной церкви на Украине. Также влиятельным фактором могут быть политические разногласия России с США и Украиной.

Роль симпатии. В нашем исследовании наблюдалась позитивная взаимосвязь чувства симпатии с установками по отношению ко всем перечисленным нациям. Ссылаясь на полученные данные, можно предполагать, что существует прямая зависимость между симпатией и благоприятным отношением к представителям других наций. В нашем исследовании выявлено, что эмоциональные реакции россиян позитивно повлияли на установки по отношению к представителям разных наций.

Воспринимаемое сходство. Результаты подтвердили, что воспринимаемое сходство и чувство симпатии взаимосвязаны: сходство порождает симпатию, а симпатия усиливает восприятие сходства. С одной стороны, подтвердилась позитивная связь симпатии с воспринимаемым сходством со всеми национальными группами. Это свидетельствует о том,

что россияне находят больше сходств с теми, к кому они чувствуют больше симпатии. С другой стороны, феномен воспринимаемого сходства с сербами, китайцами и сирийцами оказал положительное влияние на аффективное отношение к этим национальным группам. Несмотря на низкий уровень воспринимаемого сходства и отсутствие общей идентичности с китайцами и сирийцами, представление о сходстве с ними имеет решающее значение для улучшения отношения россиян к данным народам.

Мультикультурная идеология. Уровень принятия мультикультурной идеологии был положительно связан с частотой межкультурных контактов. Это свидетельствует о том, что признание культурного многообразия способствует формированию и сохранению благоприятных межгрупповых отношений, так как повышает желание взаимодействовать с членами других групп. Более того, подтвердилась положительная связь мультикультурной идеологии с чувством симпатии к представителям других наций. Принятие межкультурных различий наряду с выражением положительных эмоций по отношению к другим подтверждает положительное влияние мультикультурализма на аффективную оценку членов аутгрупп.

Межкультурные контакты. Учитывая довольно низкую частоту межкультурных контактов у наших респондентов, можем предполагать, что недостаток доступной информации о других нациях привел и к недостатку данных о следствиях таких контактов. Подтверждением позитивной взаимосвязи контактов с воспринимаемым сходством с другими нациями служит положительная связь между межкультурными контактами и воспринимаемым сходством с китайцами. В этом случае отношение к нации, которая оценивается как “культурно далекая” и не входит ни в одну группу с русскими на любом уровне, выигрывает от частоты межкультурных контактов. И наоборот, межкультурные контакты оказались отрицательно связаны с предполагаемым сходством с украинцами. Предпосылкой отрицательных последствий контакта может быть нарушение требований к ситуации успешного межкультурного контакта. Другой возможной причиной таких результатов может быть отрицательный опыт, поскольку контакт – источник личного опыта, а опыт может влиять на восприятие.

Частота межкультурных контактов выступила и как прямой предиктор отношения к болгарам и сирийцам: она была положительно связана с отношением к болгарам и отрицательно – с отношением к сирийцам. Эти данные еще раз подчеркивают важность межкультурных контактов на межличностном уровне для формирования позитивных межгрупповых установок.

Воспринимаемая угроза. Предположение о негативной взаимосвязи воспринимаемой угрозы с чувством симпатии к “непохожим” национальным группам подтвердилось. Влияние угрозы на эмоциональные реакции наблюдалось только по отношению к китайцам и сирийцам, то есть странам, не имеющим общих с русскими идентичностей высшего порядка. Следовательно, культурные, религиозные и территориальные различия между национальными группами могут быть причиной ощущения угрозы.

Полученные результаты относительно положительной взаимосвязи угрозы со сходством между нациями показали интересный тренд. Предыдущие исследования позволяли предположить, что сходство между группами связано с восприятием угрозы, так как люди оценивают сходство ценностей своей группы и других групп до того, как появляется ощущение угрозы [Garcia-Retamero, Muller, Rousseau 2012]. В нашем исследовании более высокие уровни воспринимаемого сходства были связаны с более низкими уровнями воспринимаемой угрозы от внешних групп. Тенденция, показанная нынешним исследованием относительно связи между воспринимаемой угрозой и сходством между нациями, требует дальнейшего изучения и более подробного объяснения.

Таким образом, настоящее исследование выявило интересные закономерности взаимосвязей между различными факторами, оказывающими влияние на межгрупповые

отношения, и отношением россиян к другим народам. Дальнейшее изучение и уточнение выявленных взаимосвязей поможет глубже понять роль групповых идентификаций и психологические причины формирования аффективного компонента межгрупповых установок, лежащего в основе поведения людей при их контактах с представителями других наций.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Так как в статье приведена литература только на английском языке, Список см. в References.

REFERENCES

- Allport G.W. (1991) *The nature of prejudice*. Oxford: Addison-Wesley.
- Asch S.E. (1940) Studies in the principles of judgments and attitudes: II. Determination of judgments by group and ego standards. *Journal of Social Psychology*, vol. 12, pp. 433–465.
- Barrett M., Davis S.C. (2008) Applying social identity and self-categorization theories to children's racial, ethnic, national, and state identifications and attitudes. *The Handbook of Race, Racism and the Developing Child*. Hoboken (NJ): John Wiley & Sons, pp. 72–110.
- Brewer M.B. (2001) The many faces of social identity: Implications for political psychology. *Political Psychology*, vol. 22, pp. 115–125.
- Byrne D., Clore G.L. Jr., Worchel P. (1966) Effect of economic similarity-dissimilarity on interpersonal attraction. *Journal of Personality and Social Psychology*, vol. 4, no. 2, pp. 220–224.
- Chambers J.R., Schlenker B.R., Collisson B. (2013) Ideology and prejudice: The role of value conflicts. *Psychological Science*, vol. 24, pp. 140–149.
- Checkel J.T., Katzenstein P.J. (2009) *European identity*. Cambridge: Cambridge Univ. Press.
- Chen F.F., Kenrick D.T. (2002) Repulsion or attraction? Group membership and assumed attitude similarity. *Journal of Personality and Social Psychology*, vol. 83, no. 1, pp. 111–125.
- Chen M., Bargh J.A. (1999) Consequences of automatic evaluation: Immediate behavioral predispositions to approach or avoid the stimulus. *Personality and Social Psychology Bulletin*, vol. 25, no. 2, pp. 215–224.
- Chen X., Graham S. (2015) Cross-Ethnic Friendships and Intergroup Attitudes Among Asian American Adolescents. *Child Development*, vol. 86, no. 3, pp. 749–764.
- Clement R.W., Krueger J. (2002) Social categorization moderates social projection. *Journal of Experimental Social Psychology*, vol. 38, pp. 219–231.
- Cohen G. L., Garcia J. (2005) "I Am Us": Negative Stereotypes as Collective Threats. *Journal of Personality and Social Psychology*, vol. 89, no. 4, pp. 566–582.
- Dovidio J.F., Gaertner S.L. (2010) Intergroup bias. *Handbook of social psychology*. Hoboken (NJ): John Wiley & Sons Inc., pp. 1084–1121.
- Dovidio J.F., Gaertner S.L., Kafati G. (2000) Group identity and intergroup relations: The common in-group identity model. *Advances in Group Processes*. Stamford (CT): JAI, pp. 1–35.
- Dumont M., Yzerbyt V.Y., Wigboldus D., Gordijn E. (2003) Social categorization and fear reactions to the September 11th terrorist attacks. *Personality and Social Psychology Bulletin*, vol. 29, pp. 112–123.
- Eagly A.H., Chaiken S. (1998) Attitude structure and function. *Handbook of social psychology*. Boston: McGraw-Hill, pp. 269–322.
- Edwards K. (1990) The interplay of affect and cognition in attitude formation and change. *Journal of Personality and Social Psychology*, vol. 59, no. 2, pp. 202–216.
- Epley N., Waytz A. (2010) Mind perception. *Handbook of social psychology*. Hoboken (NJ): John Wiley & Sons Inc., pp. 498–541.
- Esses V.M., Dovidio J.F. (2002) The role of emotions in determining willingness to engage in intergroup contact. *Personality and Social Psychology Bulletin*, vol. 28, no. 9, pp. 1202–1214.
- Fazio R.H. (1995) Attitudes as object-evaluation associations: Determinants, consequences, and correlates of attitude accessibility. *Ohio State University series on attitudes and persuasion, Vol. 4. Attitude strength: Antecedents and consequences*. Hillsdale (NJ): Lawrence Erlbaum Associates, Inc., pp. 247–282.
- Fazio R.H., Olson M.A. (2003) Implicit Measures in Social Cognition Research Their Meaning and Uses. *Annual Review of Psychology*, vol. 54, pp. 297–327.

- Fazio R., Williams C.J. (1986) Attitude accessibility as a moderator of the attitude-perception and attitude-behavior relations: An investigation of the 1984 presidential election. *Journal of Personality and Social Psychology*, vol. 51, pp. 505–514.
- Gaertner S.L., Dovidio J.F., Rust M.C., Banker B.C., Ward C. M., Mottolo G.M., Houlette M. (1999) Reducing intergroup bias: Elements of intergroup cooperation. *Journal of Personality and Social Psychology*, vol. 76, pp. 388–402.
- Garcia-Retamero R., Muller S., Rousseau D. (2012) The Impact of Value Similarity and Power on the Perception of Threat. *Political Psychology*, vol. 33, no. 2, pp. 179–93.
- Heider F. (1958) *The psychology of interpersonal relations*. Hoboken (NJ): John Wiley & Sons Inc.
- Hogg M.A., Abrams D., Brewer M.B. (2017) Social identity: The role of self in group processes and intergroup relations. *Group Processes & Intergroup Relations*, vol. 20, no. 5, pp. 570–581.
- Kaprio J., Koskenvuo M., Rose R.J. (1990) Change in cohabitation and intra-pair similarity of monozygotic (MZ) cotwins for alcohol use, extroversion, and neuroticism. *Behavior Genetics*, vol. 20, pp. 265–276.
- Karna M.N. (1999) Language, Region and National Identity. *Sociological Bulletin*, vol. 48, no. 1–2, pp. 75–96.
- Leach C., Iyer A., Pedersen A. (2006) Anger and guilt about in-group advantage explain willingness for political action. *Personality & Social Psychology Bulletin*, vol. 32, pp. 1232–1245.
- Loewenstein G., Lerner J.S. (2003) The role of affect in decision making. *Handbook of Affective Science*. Oxford: Oxford Univ. Press, pp. 619–642.
- Mackie D.M., Devos T., Smith E.R. (2000) Intergroup emotions: Explaining offensive action tendencies in an intergroup context. *Journal of Personality and Social Psychology*, vol. 79, pp. 602–616.
- Mackie D.M., Devos T., Smith E.R. (2000). Intergroup emotions: Explaining offensive actions in an intergroup context. *Journal of Personality and Social Psychology*, vol.79, pp. 602–616.
- Mackie D.M., Smith E.R., Ray D.G. (2008) Intergroup emotions and intergroup relations. *Social and Personality Psychology Compass*, vol. 2, pp. 1866–1880.
- McGarty C., Pedersen A., Leach C., Mansell T., Waller J., Bliuc A-M. (2006) Group-based guilt as a predictor of commitment to apology. *The British journal of social psychology*, vol. 44, pp. 659–680.
- Mitchell K. (2015) Rethinking the “Erasmus Effect” on European Identity. *Journal of Common Market Studies*, vol. 53, no. 2, pp. 330–348.
- Ortony A., Clore G. L., Collins A. (1998) *The cognitive structure of emotions*. New York (NY): Cambridge Univ. Press.
- Peters E. (2006) The functions of affect in the construction of preferences. *The construction of preference*. New York: Cambridge Univ. Press, pp. 454–463.
- Plaut V.C. (2010) Diversity science: Why and how difference makes a difference. *Psychological Inquiry*, vol. 21, pp. 77–99.
- Rattan A., Ambady N. (2013) Diversity ideologies and intergroup relations: An examination of colorblindness and multiculturalism. *European Journal of Social Psychology*, vol. 43, no. 1, pp. 12–21.
- Richeson J.A., Nussbaum R.J. (2004) The impact of multiculturalism versus colorblindness on racial bias. *Journal of Experimental Social Psychology*, vol. 40, pp. 417–423.
- Rokeach M. (1960) *The open and closed mind*. Oxford: Basic Books.
- Ross L., Greene D., House P. (1977) The false consensus effect: An egocentric bias in social perception and attribution processes. *Journal of Experimental Social Psychology*, vol. 13, no. 3, pp. 279–301.
- Rose R.J., Kaprio J. (1988) Frequency of social contact and intrapair resemblance of adult monozygotic cotwins — or does shared experience influence personality after all? *Behavior Genetics*, vol. 18, pp. 309–328.
- Rothgerber H., Worchel S. (1997) The view from below: Intergroup relations from the perspective of the disadvantaged group. *Journal of Personality and Social Psychology*, vol. 73, no. 6, pp. 1191–1205.
- Scheepers P., Gijsberts M., Hello E. (2002) Religiosity and Prejudice against Ethnic Minorities in Europe: Cross-National Tests on a Controversial Relationship. *Review of Religious Research*, vol. 43, pp. 242–265.
- Smith A. (1992) National Identity and the Idea of European Unity. *International Affairs*, vol. 61, no. 1, pp. 55–76.
- Stephan W.G., Renfro C.L. (2002) The role of threats in intergroup relations. *From prejudice to intergroup emotions*. New York: Psychology Press, pp. 191–208.
- Stephan W.G., Stephan C.W. (2000) An integrated threat theory of prejudice. *Reducing Prejudice and Discrimination*. Mahwah (NJ): Lawrence Erlbaum Associates, pp. 23–45.

- Stephan W.G., Ybarra O., Morrison K. R. (2009) Intergroup threat theory. *Handbook of prejudice, stereotyping, and discrimination*. New York: Psychology Press, pp. 43–59.
- Tajfel H., Turner J.C. (1979) An Integrative Theory of Intergroup Conflict. *The Social Psychology of Intergroup Relations*. Monterey (CA): Brooks/Cole, pp. 33–47.
- Turner J.C., Hogg M.A., Oakes P.J., Reicher S.D., Wetherell M.S. (1987) *Rediscovering the social group: A self-categorization theory*. Cambridge (MA): Basil Blackwell.
- Verplanken B., Hofstee G., Janssen H.J.W. (1998) Accessibility of affective versus cognitive components of attitudes. *European Journal of Social Psychology*, vol. 28, no. 1, pp. 23–35.
- Verkuyten M. (2005) Ethnic group identification, and group evaluations among minority and majority groups: Testing the multiculturalism hypothesis. *Journal of Personality and Social Psychology*, vol. 88, pp. 121–138.
- Verkuyten M. (2007) Religious group identification and inter-religious relations: A study among Turkish-Dutch Muslims. *Group Processes and Intergroup Relations*, vol. 1, pp. 341–357.
- Verkuyten M. (2009) Support for multiculturalism and minority rights: The role of national identification and out-group threat. *Social Justice Research*, vol. 22, pp. 31–52.
- Vorauer J.D., Gagnon A., Sasaki S.J. (2009) Salient intergroup ideology and intergroup interaction. *Psychological Science*, vol. 20, pp. 838–845.
- Winkielman P., Knutson B., Paulus M.P., Tujillo J.T. (2007) Affective influence on decisions: Moving towards the core mechanisms. *Review of General Psychology*, vol. 11, pp. 179–192.
- Wolsko C., Park B., Judd C.M. (2006) Considering the tower of Babel: Correlates of assimilation and multiculturalism among ethnic minority and majority groups in the United States. *Social Justice Research*, vol. 19, pp. 277–306.